

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

С. И. КОВАЛЕВ, *История Рима*, Л., 1948, 807 стр., тираж 7000 экз., цена 42 руб.¹

Как уже отмечалось в печати, рецензируемая книга С. И. Ковалева является серьезным трудом². Большим достоинством книги, которая служит студентам в качестве учебного пособия, является живость и ясность изложения. Такие сложные для усвоения вопросы, как критика традиции о ранней римской истории, ход борьбы патрициев и плебеев, сложение и значение магистратур, перипетии гражданских войн, политическая история III века н. э., даны ясно и четко. Успешному усвоению материала бесспорно помогают яркие характеристики многих политических деятелей, а также изложение легенд из ранней римской истории. Те авторы, которые пренебрегают ими как недостоверным и «ненаучным» материалом, совершают большую ошибку, обедняя свои учебники и учебные пособия и лишая студентов сведений, которые необходимы каждому культурному человеку, а тем более специалисту-историку.

Поскольку в настоящей рецензии, в связи с общим обсуждением учебников, принятием ВДИ, книга С. И. Ковалева рассматривается прежде всего как учебное пособие, мы позволим себе начать с ее построения. Принцип построения и распределения материала в этом случае играет очень большую роль; он должен наилучшим способом обеспечить понимание неподготовленным читателем марксистского метода исторического исследования и хода исторического процесса, взаимоотношения экономических, социальных, политических, идеологических факторов, взаимосвязи внешних и внутренних отношений, связи базиса с надстройкой, обратного влияния надстройки на базис и т. д. Задача эта усложняется тем, что учебное пособие должно, кроме того, помочь запомнить ряд необходимых фактов, что предполагает строгую хронологическую последовательность и цельность изложения истории более или менее крупных периодов или тем.

Указанная выше задача построения в наших учебных пособиях еще не разрешена до конца. Одни из них уделяют больше внимания политической, другие — социально-экономической истории, но факты той и другой часто рассматриваются в известном отрыве друг от друга. Так, например, очерк римских провинций дается обычно не столько в виде процесса, сколько в виде снимка, и притом лишь один раз, обычно после главы об Антонинах, что, собственно говоря, делает необоснованным утверждение о кризисе 68—69 годов как о борьбе окрепшей провинциальной верхушки за равноправие с италийской знатью и затрудняет понимание роли различных провинций в период кризиса III в. Особенно оторванными от общего хода исторического процесса выглядят главы о культуре. Например, Сенека — философ совершенно не связан с Сенекой — политическим деятелем, или Марк Аврелий — император с Марком Аврелием — автором последнего крупного произведения римского стоицизма, в котором

---

¹ Печатается в порядке обсуждения учебников.

² См. ВДИ, 1949, № 3, стр. 129—136.

так ярко отразился кризис этого ведущего идеологического направления империи Антошинов. Раннехристианские идеи ставятся, конечно, в связь с филоновской фило-софией, мессианизмом, восточными культурами и стоической этикой, но совершенно не сопоставляются с некоторыми народными течениями, например, киinizмом, с которыми имели очень много общего. Вообще почти не видно попыток выделить в главах о культуре идеологические направления разных социальных групп, что особенно относится к скудным, правда, но все же имеющимся указаниям на течения, распро-страненные в народных массах. В каком учебнике найдем мы упоминания о тех же кииниках, о близком народу баснописце Федре или народном христианском поэте Коммодиане, о ходячих поговорках, взятых из писавшихся для народа мимов, об эпи-тафиях и надгробиях «маленьких людей»? А между тем, если бы авторы не отрывали главы о культуре от глав по политической и социальной истории, они могли бы пока-зать, как уважение к труду, свойственное всем протестовавшим против идеологии рабовладельцев течениям, включая и раннее христианство, было идеологической осно-вой союза рабов и широких масс трудящихся свободных, или что движение агонистиков имело своим предшественником восстания африканских рабов и колонов в середине III в., идеологом которых выступал Коммодиан. Эти примеры показывают, как недо-статки построения обедняют самое содержание учебного пособия, сужают представ-ления учащихся о многообразии исторического развития. Конечно, вопрос о постро-ении очень труден, тем более что для разрешения его не могут быть найдены общие ре-цепты, пригодные для всех случаев. В разные исторические периоды он может быть разрешен по-разному, в зависимости от того, что являлось ведущим моментом на дан-ном этапе. Например, изложение кризиса III в. следует начать с изложения экономи-ческих и социальных изменений, происшедших в империи, так как он может быть понят только на этой основе. Так же естественно, что в период с середины III до середины II вв. до н. э. на первом месте стоят международные отношения.

Но и делая упор на какое-то определенное звено исторического процесса, не следует совершенно изолировать его от общей цепи. Между тем в книге С. И. Ковалева этот принцип не всегда соблюдается. Социально-экономическая история отдельных перио-дов дается обычно после истории политической и военной, что идет иногда во вред ясно-сти понимания их взаимной связи. Так, на стр. 124 говорится, что результаты галль-ского нашествия были для Рима положительны, так как вызванный им экономический кризис обострил сословно-классовую борьбу, завершившуюся победой плебеев, заста-вил Рим мобилизовать все силы и провести военные реформы, в частности, ввести жалование солдатам, что сделало его самым сильным государством в Средней Италии. Но так как предварительно не была дана характеристика внутреннего полсжения Рима, то вышеприведенный тезис может возбудить ряд вопросов, не находящихся в книге ответа; например, не явились ли усиление Рима и военные реформы результатом не галльского разгрома, а именно победы плебеев; не в их ли интересах было и введе-ние жалования воинам; какой из социальных групп была выгодна завоевательная политика Рима в Средней Италии и т. д. Также и в разделе о событиях III—II вв. до н. э. автор сперва излагает историю войн, происходивших в это время, лишь бегло касаясь отношения различных слоев к внешней политике, затем следует глава о культуре и лишь после нее глава «Социально-экономический переворот во II в.». В результате очень интересное заключение автора (стр. 317) о том, что завоевания этого периода были вызваны «сложным взаимодействием причин, начиная с тяги римского крестьянина к каждому куску плодородной земли в ранний период и кончая агрессивней зрелой рабовладельческой системы во II в.», в значительной мере повисает в воздухе.

В некоторых случаях не совсем удачно размещены и разделы по истории культу-ры. Так, например, характеристика культуры поздней республики объединена с куль-турой принципата Августа. Во-первых, нельзя с уверенностью сказать, насколько закономерно такое объединение. Автор (стр. 512) сам же указывает, что последняя не могла бы породить ни Лукреция, ни Цицерона, ни Катутла. Во-вторых, такое построе-ние делает неполной картину периода гражданских войн, исключая из нее идеологи-

ческую борьбу и идеологическую подготовку принципата. История раннего христианства изложена после главы, посвященной Константину. Это отрывает возникновение и развитие раннего христианства от идеологического кризиса I—II вв. н. э., кроме того, затрудняет неподготовленному читателю понимание взаимоотношений империи и христианства на раннем этапе существования последнего. К тем же недостаткам построения следует отнести и почти полное отсутствие характеристик стран и народов, завоеванных Римом и вообще так или иначе с ним соприкасавшихся.

Конечно, в книге, специально посвященной истории Рима, нет возможности подробно останавливаться на этих вопросах, но совсем их обойти невозможно, так как без этого остается не вполне понятной римская внешняя политика, ее успехи в одних и неудачи в других случаях. Общего же указания автора на то, что римляне поддерживали повсюду аристократические элементы, — недостаточно, так как «аристократические элементы» не одно и то же, например, в областях, входивших в состав державы Селевкидов, и в Галлии. В результате такого построения, например, противоречия в Галлии накануне римского завоевания представлены лишь как противоречия между отдельными племенами, из которых одни призывали германцев, а другие — римлян. Социальные же противоречия в Галлии, сыгравшие в общем решающую роль в ее подчинении Риму, остаются в тени. Также не учтены социальные противоречия в Дакии, хотя, несомненно, проримская ориентация дакийской знати, ее враждебность Децебалу и прямое предательство определили не только успехи римского оружия в этой стране, но, вероятно, и дальнейший ход развития новой провинции. С другой стороны, неудачи Рима за Рейном объяснялись не только условиями местности, слабостью римской армии и т. п., но и тем, что германцы не дошли до той стадии разложения общинно-родовых отношений и социальной дифференциации, на которой могла сложиться сильная аристократическая проримская партия. Отсутствие соответствующих социально-экономических условий — развития рабства, поллисов и т. п. — лишало римлян возможности закрепиться за Евфратом, несмотря на неоднократные чисто военные успехи их в этой области. При отсутствии же характеристики внеримских стран и народов все эти моменты останутся для читателя неясными.

С другой стороны, в силу того же недостатка частично теряется связь между внешней и внутренней политикой в самом Риме и позиция, в этом смысле, различных классов. Выше я уже отмечала это для периода республики, то же можно сказать и о времени империи. Например, повидимому, важным моментом во взаимоотношениях империи с такими сильными племенными союзами, как союзы Маробода или Децебала, было то обстоятельство, что они были центрами, притягивавшими антиримские силы не только вне, но и внутри империи. Недаром вопрос о перебежчиках, дезертирах, беглых рабах, которых они принимали, играл такую большую роль при начале войн с ними и в мирных договорах после войн. То же повторилось и во время маркоманских войн Марка Аврелия. Во взаимоотношениях с Парфией также не лишены значения пропарфянские настроения среди низших слоев восточных провинций. Они сыграли свою роль даже в идеологической борьбе, шедшей в империи; недаром ведь Диоклециан мотивировал свой эдикт против манихеев тем, что они являются как бы агентами враждебной партии среди римских подданных. В последние века существования империи союз угнетенных масс империи с внеримскими народами становится совершенно явным, но намечается он уже значительно раньше, и внешние войны Рима уже давно приобрели оттенок социальных войн между рабовладельцами и народами, служившими объектами порабощения. В этом плане можно заметить, что автор напрасно совсем не касается ни истории Северного Причерноморья, ни взаимоотношений с ним империи, так как там все указанные моменты выступают особенно ярко и наглядно.

Напротив, очень удачным представляется в плане построения книги распределение материала об источниках римской истории. А. Г. Бокщанин в вышеупомянутой рецензии указывал, что избранный автором путь — давать характеристику источников перед каждым крупным разделом — идет во вред цельности изложения, что не создается, например, цельного впечатления о Дионе Кассии. Но зато очень выигрывает нагляд-

ность представления о степени достоверности, с которой можно судить об истории того или иного периода. Это особенно важно для ранней истории Рима. Характеристика соответствующих источников дана С. И. Ковалевым очень полно и ярко, и это сразу подводит читателя к пониманию вопросов римской традиции и дает ему возможность в них, в известной мере, разобраться.

Весьма ценна также попытка наметить и охарактеризовать известную периодизацию римской истории; более детально С. И. Ковалев дает ее для империи, для которой намечает шесть периодов: 1) принципат Августа — период реакции и завершения организации империи; 2) период террористического режима — правление Юлиев-Клавдиев; 3) расцвет империи — правление Флавиев и первых Антонинов; расширение социальной базы императорской власти и ее укрепление; 4) кризис империи; 5) доминат Диоклетиана и Константина; временное ослабление кризиса; период военно-бюрократической крепостнической монархии; 6) падение империи — революция рабов и варварское завоевание (стр. 483). Может быть, с отдельными формулировками здесь можно не согласиться; так, например, А. Г. Бокщанин справедливо отмечает спорность характеристики периода Юлиев-Клавдиев как террористического режима. Может быть, в данной периодизации политический момент преобладает над социально-экономическим, но, во всяком случае, она дает некую отправную точку для дальнейшей работы. Ведь нельзя не признать, что периодизация древней истории, в частности, античности, до сих пор у нас почти не разработана, что, бесспорно, является большим недостатком. В этом смысле наши античники значительно отстали от специалистов по другим разделам истории, уже много лет ведущим работу по установлению периодизации.

Итак, с точки зрения построения, книга С. И. Ковалева имеет несомненные достоинства (разделы об источниках, периодизация, ясность изложения). Но она содержит и серьезные недостатки (разорванность разделов по политической, социально-экономической и культурной истории и недостаточность характеристики внеримских стран и народов). Конечно, легче высказывать в этом смысле пожелания, чем осуществить их на деле, так как показать исторический процесс в его органическом единстве в учебнике очень трудно, но нам представляется, что эта еще не разрешенная задача должна быть целью, которую могли бы поставить себе наши античники, пишущие для студентов.

После этих общих замечаний перейдем к частным. Одним из наиболее удачных разделов книги является раздел о раннем Риме. Автор в самом начале (стр. 29 сл.) ставит важнейший вопрос о причинах замедленного развития Италии по сравнению с Грецией. Причину этого он видит в слабости ее торговых связей, натуральном характере экономики, преобладании сельского хозяйства. Именно эта отсталость, замечает С. И. Ковалев, благодаря которой в Италии сохранилось свободное крестьянство, сделала ее величайшей силой во время ее столкновений со странами высоко развитого и разлагающегося рабовладения. Очень подробно и интересно разбирается вопрос о патрициях, клиентах и плебейх. Однако здесь возникают некоторые недоумения. С. И. Ковалев пишет, что клиенты произошли из экономических и социально слабых людей — иноземцев, отпущенников и незаконорожденных. За различные обязанности по отношению к своему патрону они получали от него земельные участки, входили в род патрона и участвовали в его домашнем культе (стр. 53 сл.). Эта конструкция представляется несколько противоречивой. С. И. Ковалев считает, что патриции, в отличие от переселенцев — плебеев, обладавших частной собственностью на землю, таковой не имели, и земля, кроме двух югеров на каждого, находилась в общинном владении. Каким же образом могли они выделять клиентам землю на условии завислого держания? Насколько мне известно, соответствующее указание содержится только у Феста, который выводит термин *patres* из слова *partes* и объясняет его происхождение тем, что патриции некогда давали клиентам части земли. Вопреки своему обычаю, Фест в данном случае не ссылается ни на Веррия Флакка, ни на какой-либо другой древний авторитет, и вся эта фантастическая этимология, возможно, представляет собой его собственный домысел. Но даже если он замечтал ее у того же Веррия Флакка, то все равно она носит характер позднейших некусовых домыслов, скорее

всего подсказанных современной действительностью, когда клиенты действительно жили на землях патронов. Неясно, из какого земельного фонда могли выделять участки клиентам патриции, не имевшие земли. Вряд ли количество отпущенников и незаконных детей могло быть в то время так велико, чтобы составить значительную категорию, каковой являлись клиенты, а что касается иноземцев, то, по мнению самого же автора, они входили в число плебеев, отличавшихся от клиентов. Но даже если бы часть из них и попала в клиентскую зависимость, то непонятно, каким образом они могли считаться членами рода и участвовать в фамильных культах при замкнутости родовой организации. Не проще ли предположить на основе аналогий с другими народами, хотя бы с кельтами, что клиенты были обедневшими членами рода, в котором уже выделились богатые семьи?

Плебеев С. И. Ковалев считает иноземцами, стоявшими вне родовой организации и, следовательно, вне общины. Отрицая этрусское завоевание в период царей, он считает, что среди плебеев было значительное число этрусков. Этот этрусский более демократичный элемент он противопоставляет латино-сабинскому патрициату, который в конце концов, в борьбе с этрусками свергнул царя и установил республику. Мысль эта очень интересна. Странно, однако, что Тарквиний Гордый остался в римской традиции далеко не симпатичной фигурой. Ведь Сервий Туллий, пошедший навстречу плебеям, затем постоянно считался особым покровителем простого народа вместе с Фортуной, возлюбленной которой его сделала легенда. Впоследствии возникла и версия о его рабском происхождении, что сделало его и покровителем рабов. Между тем, о Тарквинии благодарной памяти плебеи не сохранили. Но, конечно, генезис традиции слишком темн, чтобы на нем можно было основываться с достоверностью.

Неясным остался также вопрос о происхождении государства в Риме. Царский период С. И. Ковалев называет племенной и родовой демократией; он пишет, что «римская патрицианская община царской эпохи представляла собой примитивный город-государство с типичными чертами военной демократии» (стр. 56), а об установлении республики он говорит, как о падении военной демократии. Но в дальнейшем, подводя итоги борьбы патрициев и плебеев к началу III в. до н. э., он пишет, что эта борьба была революцией плебеев против родового строя, закончившейся его разрушением и созданием демократического полиса (стр. 91 сл.). К какому же времени автор относит возникновение государства? К реформе Сервия Туллия, установлению республики или к началу III в.? Это осталось неясным. Возможно, эта неясность вызвана тем, что, очевидно, в силу скудости источников, автор не связывает этапов борьбы патрициев и плебеев с изменениями, происшедшими в аграрных отношениях, в развитии рабовладения. Лишь подводя итоги для начала III в., он отмечает, что прекращение борьбы патрициев и плебеев было вызвано, между прочим, увеличением земельного фонда вследствие завоеваний, что сделало менее острым аграрный вопрос.

Затем С. И. Ковалев старается выяснить сходство и различие путей и темпов развития в Афинах и Риме. Он указывает, что в Афинах «патриархальная монархия» отмерла постепенно, тогда как в Риме она была свержена насильственно, поскольку это было выступление против этрусков. Он пишет, что в Риме не сложилось демократии, подобной афинской, так как в нем не играли роли торгово-промышленные слои, столь значительные в Афинах (стр. 93). Четко и правильно он формулирует то значение, которое и для Афин и для Рима, в отличие от стран Востока, играла отмена долгового рабства. «Рабовладельческий коллектив—полис—получил, таким образом, внутреннее единство и силу. Антагонизм между свободными и рабами в дальнейшем стал развертываться не внутри общины, не между гражданами, а во вне ее, между гражданами и рабами-иностранцами» (стр. 91). Такое сопоставление путей развития рабовладельческих государств очень нужно и плодотворно, так как помогает более глубоко понять причины этого развития и его законы.

Во всем этом разделе очень удачно сочетается изложение легендарных событий с критикой традиции, ярко охарактеризованы законы XII таблиц, все перипетии борьбы плебеев с патрициями. Автор со всей определенностью подчеркнул, что эта борьба не была борьбой антагонистических классов, а борьбой сословной между двумя груп-

пировками становящегося класса рабовладельцев, но что в ней уже таились элементы классовой борьбы, представленной в борьбе поработаемых должников.

Изложив историю войн Рима до войны с Пирром включительно, С. И. Ковалев определяет причины, обеспечившие Риму его победы (стр. 141). Он видит их в выгодном географическом положении города, относительной слабости социальных противоречий внутри Рима по сравнению с противоречиями, раздиравшими южноиталийские города, наличии войска граждан, более сильного, чем войско наемников, превосходстве маневренной тактики, организованности и, наконец, в суровом и простом римском характере. В эту замечательную эпоху, пишет автор, закладывался фундамент римского величия трудами и подвигами М. Фурия Камилла, Деций Мусов, Аппия Клавдия Цека, Манлия Торквата и др. Возможно, что здесь имеется известный элемент идеализации Рима и римлян. Конечно, С. И. Ковалев прав, говоря, что народный характер нельзя сбрасывать со счетов, но характер этот не остается постоянной величиной. Как указывал Энгельс, Западную Европу после падения империи омолодили не специальные, присущие лишь им добродетели германцев, а их родовой строй. Конечно, в раннее время римляне были мужественны и патриотичны, и вполне вероятно, что легенды о римских героях, в известной мере, соответствуют истине, но надо учитывать и те обстоятельства, которые толкали их на их «труды и подвиги». Чтобы сделать это, следовало бы уточнить причины римских войн и их характер в различные периоды. В буржуазной науке существует мнение, что Рим вообще никогда не был агрессором, а если он подчинил такое количество стран и народов, то только потому, что на войны его толкал ряд обстоятельств, от него, в общем, не зависящих. С этим мнением, конечно, никто из наших античников не согласится. Но в какой мере и когда Рим был агрессором, не выяснено и у нас, особенно для периода, предшествовавшего Пуническим войнам. А решить этот вопрос можно, лишь тщательно исследовав отношение к войнам различных слоев римского общества в связи с общим внутренним положением, так же как и с внутренним положением противников Рима.

Очень удачно изложено устройство Италии после римского завоевания и значение этого завоевания для италийской экономики и социального строя — разложение общинных отношений, подрыв мелкой земельной собственности, рост крупного землевладения, охарактеризованы категории городов. Эта глава хорошо показывает, что судьба Италии под римским владычеством была, в известной мере, прообразом судьбы будущих римских западных провинций и что они впоследствии должны были пройти сходный путь и пережить такой же кризис, какой пережила и Италия. Ясно дана также характеристика *ager publicus* и связанных с ним моментов. С. И. Ковалев приходит к выводу, что к III в. до н. э. основы рабовладельческой системы уже сложились, но она еще не развилась из-за отсутствия крупного землевладения. У знати того времени, пишет он, было больше клиентов, чем рабов, так как она была заинтересована не столько в росте своих доходов, сколько в росте политического веса, определявшегося числом клиентов (стр. 154). Это согласуется со словами Энгельса в «Анти-Дюринге» (стр. 150) о второстепенной роли рабства в раннем Риме, до усиленной концентрации земли, и с замечанием Маркса о том, что первоначально эксплуатация в Риме носила более или менее патриархальный характер, так как являлась главным образом орудием политической власти¹.

Жаль только, что в дальнейшем изложении, в разделе о социально-экономической истории II—I вв. автор не учел также указания Маркса на значение перехода от производства потребительной к производству меновой стоимости и о замене старых эксплуататоров новыми — «жестокими, жадными до денег выскочками». С. И. Ковалев совершенно справедливо указывает на огромное значение войн в изменениях экономики Рима и на известную искусственность того подъема, который был вызван притоком богатств из покоренных стран (стр. 319). Маркс отмечал, что в противоположность греческим городам, где развитие торговли сопровождалось высоким развитием промышленности, в Риме купеческий капитал достиг более высокого, чем когда-либо в антич-

¹ К. Маркс, Теория прибавочной стоимости, Партиздат, 1936, т. III, стр. 382.

ности, развития без прогресса в промышленности («Капитал», т. III, стр. 344). Автор приводит данные, свидетельствующие о слабом развитии ремесла и техники в Италии. Повидимому, с этим связаны и особенности развития рабства в Риме и то, что в Риме кризис как свободного землевладения, так и рабовладельческого способа производства, наступил быстрее ввиду узости базиса производства и паразитического характера римского плебса в отличие от афинского демоса. Это, видимо, была одна из основных причин кризиса республики. К ней прибавилось и разорение крестьянства, непрерывно участвовавшего в войнах, на что указывал Аппиан в известном месте, на которое ссылается Маркс и которое цитирует и С. И. Ковалев. Но С. И. Ковалев видит главную причину разорения крестьянства, концентрации земли и роста рабовладения в конкуренции дешевого хлеба из Сицилии и Африки, с которой не могло бороться италийское крестьянство. Вряд ли конкуренция при общей натуральной основе, особенно крестьянского хозяйства, могла играть такую решающую роль.

Удачно дана характеристика гражданских войн, как революционных движений, которые не могли перерасти в революцию, так как рабовладельческий строй еще переживал время развития. Четко показана связь движения Гракхов с сицилийским восстанием и страхом части рабовладельцев перед сопротивлением все растущего числа рабов. В высшей степени убедительна и интересна мысль автора о хлебом законе Гая Гракха. Этим законом Гай Гракх «вводил в Риме в практику основной принцип античного полиса — принцип коллективной общинно-государственной собственности, согласно которому каждый член рабовладельческого коллектива должен иметь свою долю в доходах государства» (стр. 358). Действительно, такая практика является во многом ключом к пониманию дальнейшей истории римского плебса и его позиции в ходе гражданских войн и даже в начальный период империи. Довольно быстро наступает момент, когда плебс становится паразитическим элементом и не может уже считаться носителем демократического начала. Это особенно наглядно видно как на провале, по вине плебса, многих мероприятий, направленных на расширение прав италийцев, так и на все уменьшающемся интересе римского плебса к аграрным законам, которые постепенно вытесняются законами о раздаче хлеба. С. И. Ковалев дает очень наглядную картину эволюции плебса в этом направлении.

Давая общую оценку деятельности Гракхов, С. И. Ковалев характеризует Гая Гракха как «великого демократа», а период его деятельности — как высшую точку развития демократии. Он пишет, что при Гракхах «одно мгновение могло показаться, что сенатской олигархической республике нобилей приходит конец и ее сменяет развитая античная демократия типа афинской» (стр. 361 и 367). Неудачу Гракхов автор объясняет слабостью италийской демократии, противоречиями между гражданами и негражданами, которые помешали движению Гракхов перерасти в демократическую революцию. С этой же точки зрения С. И. Ковалев оценивает движение Сатурнина. Он считает, что оно повторяло движение Гракхов, но на суженной основе падающей демократии. В нем возросла роль анархического люмпенпролетариата, демагогия популяров, выступила на сцену армия в лице Мария и ветеранов. Движение Сатурнина погибло еще скорее, чем движение Гракхов, так как демократия ослабела из-за дальнейшего разорения крестьянства и роста противоречий между гражданами и италийцами (стр. 389 сл.). Эти же противоречия сделали непрочным положение Цинны (стр. 408); изменение характера плебса, не желавшего «менять праздную жизнь в Риме на полуголодное существование в каком-либо италийском захолустье», определило его отношение к закону Сервилия Рулла (стр. 435). Такая оценка плебса в общем представляется правильной.

Но остается неясным, как понимать римскую демократию в последний век республики. Не отрицая различия путей развития форм государственного управления в Афинах и Риме, необходимо указать, что вопрос этот в книге выяснен недостаточно. Из слов С. И. Ковалева о разложении демократии вследствие разорения крестьянства можно заключить, что он считает носителем демократии крестьянство. Но тогда непонятно сопоставление римской и афинской демократии. Ведь не крестьянство в Афинах было наиболее демократическим элементом, а именно городские круги. Противоречие

между гражданами и негражданами существовало и в Афинах; и в Афинах демократия в конце концов основывалась на эксплуатации рабов и ограблении союзников, как в Риме на эксплуатации рабского труда и ограблении провинциалов. Если же стать на точку зрения, что демократия была связана с крестьянством, то следует заключить, что после Гракхов посетителями демократических требований были италийцы, между прочим и в лице ветеранов Мария, Суллы, а затем и других полководцев, поскольку они требовали вначале гражданства и земли, а затем, после союзнической войны, земли. Во всяком случае, автору следовало бы более четко охарактеризовать демократическую партию.

Кстати, надо было бы остановиться и на вопросе о римских «партиях». Этот вопрос, как известно, в последнее время привлекал внимание многих античников. Что представляли собой эти «партии», на чем основывались, какую роль играли клиентские и личные связи, каков был их состав и программа и была ли вообще таковая, все это многократно исследовалось и обсуждалось. С. И. Ковалев пишет (стр. 441), что первый триумвират был вызван необходимостью концентрации всех сил демократии; за Цезарем и Помпеем стояла демократия. Но остается неясным, что это были за силы и что это была за демократия. Был ли это плебс? Но С. И. Ковалев ведь считает, что плебс, люмпен-пролетариат, был продуктом разложения демократии, а не ее носителем. Было ли это италийское крестьянство, представленное ветеранами? Но автор считает, что армия к этому времени имела лишь профессиональные интересы и связь с населением утратила. В общем, повторяю, характер демократии того времени остается неясным. В силу этого не совсем обосновано и отношение автора к Цезарю, о котором автор говорит, что он шел по стопам Суллы (стр. 465), но потерпел неудачу, так как хотел создать эллинистическую монархию, для которой Рим еще не созрел (стр. 468). В связи с этим следовало бы остановиться и на положении в провинциях и на роли различных групп провинциального населения в гражданских войнах.

Принципат Августа С. И. Ковалев считает реакцией на монархические устремления Цезаря. В известной мере это, конечно, так, но, возможно, автор преувеличивает роль «охранительной политики Августа». Из нее он выводит и его законы о семье и об ограничении отпуска рабов, и его внешнюю политику. Но ведь сами «охранительные» тенденции Августа имели свои глубокие корни. В отношении законов о семье эти корни вскрыл Н. А. Машкин, прекрасно показав их связь со стремлением укрепить основы рабовладельческого общества и фамилии, как первичной ячейки этого общества. Внешняя политика Августа также определялась различными причинами не только внутренними, но и внешними, и здесь опять-таки приходится пожалеть, что С. И. Ковалев совсем не остановился на положении внеримских областей, что значительно сузило его аргументацию.

Я не останавливаюсь на разборе раздела о Юлиях-Клавдиях и кризисе 68—69 годов, так как этому уделил уже много внимания в своей рецензии А. Г. Бокщанин, с выводами которого можно вполне согласиться.

Раздел об Антонинах в общем особых возражений не вызывает. С. И. Ковалев дает правильную оценку экономики этого периода, указывая, что тенденция упадка была сильнее тенденции подъема (стр. 583), что прочное объединение империи было невозможно. Совершенно справедливо он указывает, что «рабы становятся непронизывательной обузой в хозяйстве» (стр. 612), и что некоторое вызванное этим смягчение эксплуатации рабов повело к значительному ухудшению положения свободных трудящихся. Особенно ценно, что С. И. Ковалев ищет причин кризиса рабовладения не во внешних причинах — уменьшение числа военнопленных в связи с прекращением войн, — а во внутренних законах движения рабовладельческой формации. Тем более странно, что активизацию внешней политики при Траяне он объясняет между прочим стремлением добыть рабов (стр. 573). Вообще вопрос о связи внешней политики с интересами различных групп правящего класса еще нуждается в дальнейшем исследовании. Нельзя также согласиться с оценкой правления Антонина Пия как с «самым спокойным царствованием за всю империю» (стр. 580). Это противоречит данным об участвовавших в восстаниях в провинциях в это время.

Напрасно С. И. Ковалев не дал характеристики отдельных провинций. Ведь неравномерность развития провинций, повидимому, имела большое значение как в общем временном смягчении кризиса рабовладения, так и в дальнейшей их роли в истории империи. Отсутствие такой характеристики делает непонятными сепаратистские тенденции, развивавшиеся в период кризиса III в., а также те особенности восточных и западных провинций, которые в конце концов обусловили раскол империи на западную и восточную. Недостаточно внимания уделено развитию рабовладения в провинциях и связанному с ним распространению «античной формы собственности» в виде полисов. С. И. Ковалев считает, что империя означала окончательное крушение полисной системы, пережитки же полиса сохранились в муниципальной жизни (стр. 599). Города С. И. Ковалев рассматривает главным образом как торгово-промышленные центры. Мне представляется, что здесь имеется известная недооценка муниципализации империи. Ведь именно распространение городов в их античном понимании способствовало социальным и экономическим изменениям в провинциях, аналогичным тем, которые С. И. Ковалев отмечал для Италии в период завоевания ее Римом. Разлагалась община, развивались частная собственность на землю и торгово-денежные отношения, разорялось крестьянство, росло число рабов. Рабовладельцы внутри муниципиев сплачивались в класс, бывший основной опорой империи; то же единство коллектива свободных предопределило политику широких раздач, расходов на городское благоустройство и т. д. Эти моменты способствовали известной унификации империи, исчезновению старых отношений. Они же, в конце концов, приводили одну провинцию за другой к такому же кризису, который уже ранее охватил Италию. Без учета этих обстоятельств время Антонинов нельзя понять до конца.

Хорошо написан раздел, посвященный Северам и кризису III в. Очень хорошо дана общая оценка кризиса. Кризис III в., пишет С. И. Ковалев, отличался от кризиса конца республики тем, что тогда противоречия были многообразны (рабы и свободные, граждане и неграждане и т. д.), в то время как теперь маленькой кучке земельных собственников, опиравшейся на военно-бюрократический аппарат, противостояла более или менее однородная масса трудового населения. В силу разложения родовых отношений у «варваров» усиливается их натиск на империю и намечается союз с рабами и колонатами (стр. 656). Интересно замечание, что к концу III в. класс рабовладельцев стал превращаться в класс крупных землевладельцев полурабовладельческого, полукрепостнического типа, которые и были социальной опорой домината (стр. 692). Мысль эта очень плодотворна и находит полное подтверждение в источниках. Повидимому, только исходя из этого положения, и можно понять переход от принципата к доминату и особенности последнего. В этой связи очень интересно и глубоко оцениваются обстоятельства готского восстания 378 г. С. И. Ковалев пишет, что тогда впервые складывается единый революционный фронт, благодаря тому, что крепостнические отношения объединили в одну сплошную массу все трудовое население империи (стр. 734).

Возможно, что, говоря о доминате, не следовало бы рассматривать время Диоклетиана и Константина как нечто единое. С. И. Ковалев видит разницу между ними только в том, что Константин признал христианство, тогда как Диоклетиан в поисках идеологической базы для своей империи совершил ошибку, обратившись к старым римским богам (стр. 698 и 704). Но, повидимому, эта «ошибка» не была следствием простого заблуждения. В политике Диоклетиана, несмотря на все его реформы, еще оставалось много элементов старого, с которым окончательно порвал Константин. Это видно хотя бы в законодательстве того и другого. Например, Диоклетиан еще продолжает старую линию известного смягчения положения рабов и поощрения вольноотпущенников. Константин же резко рвет с этой тенденцией и восстанавливает право господина убить раба. Здесь не место останавливаться на причинах этого и некоторых других различий между Диоклетианом и Константином, но они, несомненно, были.

С. И. Ковалев кратко останавливается на судьбах Восточной империи после падения Западной. Ее большую силу сопротивления он объясняет развитием ремесла и торгов-

ли, общей культурностью населения, меньшим развитием рабства, преобладанием более мягких форм зависимости. Благодаря этому производительные силы оказались там менее подорванными.

В заключение еще раз остается повторить, что, несмотря на сделанные отдельные замечания, книгу С. И. Ковалева надо считать серьезным и интересным учебным пособием. Что же касается принципов построения учебника, то их окончательно можно выработать лишь после активного обсуждения имеющейся у нас учебной литературы.

Е. М. Штаерман

*ЗАМЕЧАНИЯ К ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМУ РАЗДЕЛУ
В УЧЕБНИКЕ В. С. СЕРГЕЕВА «ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ
ГРЕЦИИ»¹*

Гениальные труды И. В. Сталина по вопросам языкознания стали могучим стимулом для дальнейшего развития исторической науки. Поэтому обсуждение учебников по древней истории, созданных, как известно, до появления трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания, представляется делом необходимым и своевременным. История древнего мира является профилирующей дисциплиной для исторических факультетов и отделений университетов, педагогических и учительских институтов. Это обязывает при обсуждении с особой требовательностью подходить к учебникам и учебным пособиям по истории древнего мира, бережно сохраняя и развивая все лучшие стороны их и решительно освобождая их от всех и всяких недостатков.

Практика работы с учебниками в высшей школе и появившиеся рецензии показывают, что в основном авторы успешно справились со своими задачами. Учебники отражают успехи советских историков, которые, руководствуясь в своей работе диалектико-материалистическим методом, сумели разрешить основные проблемы истории древнего мира. В свете этих успехов становится нетерпимым отставание нашей науки в разработке вопросов историографии.

Примером этому может служить хотя бы то, что до настоящего времени не появилось ни одной монографической работы, посвященной историографии древнего мира, что ВДИ печатает мало специальных статей историографического характера. В какой-то мере отражением этого отставания является и то, что за последние 10 лет, среди известных автору около 100 кандидатских и докторских диссертаций, посвященных вопросам древней истории, только две имеют целью решение вопросов историографии².

Пренебрежение к этим вопросам вредно отражается на трудах по древней истории. Это прежде всего касается историографических глав в учебниках и учебных пособиях. Почти всем этим главам свойственны одинаковые недостатки: отсутствие систематического и строгого подбора материала, нечеткость выводов и определений, досадные пробелы в обрисовке отдельных периодов развития историографии. В этом отношении показательна историографическая глава учебника В. С. Сергеева по истории древней Греции, написанная проф. Н. А. Машкиным.

Прежде всего следует сделать несколько замечаний, относящихся к композиции главы. Она построена в основном по тому принципу, которым в свое время руководствовался В. П. Бузескул³. Разумеется, проф. Машкин включил и новый материал,

¹ Печатается в порядке обсуждения учебников.

² О. Б. Алясковская, Римский аграрный вопрос в русской историографии XIX века, М., 1951; Ю. Б. Деницкий, Вклад отечественной науки в изучение истории древнего Востока, М., 1951.

³ В. П. Бузескул, Введение в историю Греции, Пгр., 1915.